

Марина и Сергей Дяченко

Самум

*Часть сборника
Одержимая (сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Самум

«Автор»

2009

Дяченко М.

Самум / М. Дяченко — «Автор», 2009

«Инспектор прилетел на рассвете. Два солнца взошли одно за другим, и корабль опустился на посадочную площадку в семь шестьдесят пять по местному времени.— Гриша, – сказал губернатор. – Предупреди своих: сидеть на рабочих местах, как пришитые. Увижу кого-то в рабочее время на террасе...»

© Дяченко М., 2009

© Автор, 2009

Марина и Сергей Дяченко

Самум

Инспектор прилетел на рассвете. Два солнца взошли одно за другим, и корабль опустился на посадочную площадку в семь шестьдесят пять по местному времени.

– Гриша, – сказал губернатор. – Предупреди своих: сидеть на рабочих местах, как пришитые. Увижу кого-то в рабочее время на террасе...

И он выразительно замолчал.

Губернатор двадцать лет царил на Ириске, пережил десятки ЧП и две большие производственные катастрофы, но удержался на посту. Теперь под него копали, и ни помешать зложелателям, ни хотя бы проконтролировать их губернатор не мог: от Ириски до Центра было тридцать земных часов пути, а связь в последнее время работала нестабильно. Явление чиновника с внеплановой инспекцией могло быть как мелкой неприятностью, так и Последним Звонком, поэтому губернатор не спал ночь.

Третий зам не любил губернатора, в частности, за то, что тот упорно звал его «Гришей». Настоящее имя зама было Саундер: его родители, на тот момент пятнадцатилетние, сочли, что младенец слишком громко орет, и нарекли его собачьей кличкой. Саундер Григорьев привык откликаться на Сашу, но губернатор прозвал его Гришей, лишний раз утверждая этим свою самодурскую власть.

– Увижу кого-то в рабочее время на террасе – штрафом не отделаются...

К борту корабля уже подползал гофрированный шлюз-переходник. Губернатор сжал губы, похожие на слот для приема купюр, подтянул воротник и в сопровождении двух первых замов и дамы-референта отправился встречать.

Два солнца, Пес и Щенок, поднимались выше, и укорачивались тени. Начинался погожий яркий день, из тех, что примиряют с жизнью на Ириске; сквозь полупрозрачные стенки шлюза было видно, как текут навстречу друг другу две группы людей. Казалось, дело происходит в желудке ископаемого ящера; вот они встретились, зыбкие, протянули друг другу руки, обменялись словами, неслышными Саундеру, тривиальными, как мыло: добро пожаловать на Ирис-46, коллектив станции рад приветствовать, крупнейший добывающий комплекс, поселение специалистов, достопримечательности, как долетели?

Саундер тревожился. Внеплановая инспекция означала, что нормальной работе не бывать ни сегодня, ни завтра. Не то чтобы Саундер чрезмерно любил свою работу; он был всего лишь организатором, сортировщиком ресурсов и надобностей, дирижером бытовых мелочей, от школы для немногочисленных местных детей до транспортного парка в ангарах, от насосной станции до программного центра, от бассейна на крыше и до подземных хранилищ. Все это работало и соотносилось, вертелось и не простаивало только потому, что Саундер с утра до вечера вникал в подробности, анализировал, отдавал распоряжения и следил, чтобы они выполнялись. В обычное время губернатор не очень мешал ему, но любая ревизия делала шефа несносным: он требовал от работников ритуального спектакля, обозначающего деятельность, а не собственно деятельности, и это отвратительно сказывалось на всех делах.

С другой стороны, размышлял Саундер, если инспектор приехал, чтобы обличить губернатора, – обличит обязательно. Такое хозяйство, как на Ириске, не может работать без пары должностных преступлений в год. Все нарушения можно восстановить по протоколам, было бы желание.

С третьей стороны... возможно, внеплановая инспекция прислана, чтобы зафиксировать отличную работу станции и неоценимый вклад губернатора?

Саундер встал: открылась дверь, и вошла делегация. Впереди шагал сам инспектор, незнакомый мужчина лет сорока пяти, и лицо его было столь мрачным, что у Саундера испортилось настроение.

– Это наш третий зам, – сказал губернатор, отчего-то величая себя во множественном числе. – Э-э-э... Григорьев Саундер Антонович.

Инспектор хмуро глянул на Саундера, но руки не подал. Саундер увидел женщину за его плечом: молодую, даже юную. Тень усталости на этом лице портила его, будто неудачная косметика.

– Отдохнете с дороги? – предложил губернатор. – Уже готов завтрак, кстати, из обыкновенной столовой для специалистов, вы сможете с первой минуты ощутить себя в нашем коллективе, – он засмеялся чуть громче, чем следовало. – Номер в гостинице, – он обернулся к Саундеру, – Гриша, распорядись, чтобы номер был супружеский, люкс, у нас есть с видом в сад...

– Достаточно простого двухкомнатного номера, – инспектор говорил отрывисто и не смотрел в глаза. – Так получилось, что я к вам с женой.

* * *

– И у меня тоже есть друзья, – сказал губернатор на совещании час спустя. – Отнюдь не дураки.

Саундер, не будучи большим специалистом в области чиновничьей этики, все-таки знал, что на инспекцию с женами не ездят. Разве что инспекция формальная, по сути – дружеский визит.

– Она у него на Клипсе отдыхала, а там оборудование старое. И – утечка, авария, отель закрыт. Как раз совпало с инспекцией, ну прямо тык в тык, – губернатор хохотнул.

Он выглядел уже не столь взвинченным, как утром. Цвет его лица почти вернулся к норме, и только отрывистый хохот выдавал нервозность.

– Транспортная сетка теперь редкая, туристических рейсов нет. Пришлось ему, воленс-неволенс, подбирать жену и тащить на Ириску...

– Неужели котел на Клипсе взорвали? – недоверчиво спросил первый зам.

– Взорвали – не взорвали, а совпадение крайне удачное, крайне! Теперь он связан, как цыпленок, и сам это понимает, но нарываться не будем, попробуем задобрить... Гриша, – губернатор обернулся к Саундеру, – ты вот что. Тебе сколько лет?

– Тридцать один.

– Из нас ты самый молодой и, э-э-э, выглядишь привлекательно, поэтому я тебе даю отпуск на три дня. Передай дела за полчаса и...

– Невозможно, – в ужасе сказал Саундер. – Вчера дерн привезли, вы же знаете. Сегодня делить будем.

Губернатор сдвинул брови:

– Я сказал, передай дела за полчаса своему, как его, Семенову, и будешь водить экскурсии для инспекторши. Возьми ее на пикник, покажи дюны и развалины. Можно и храмы, если издалека. Свози на море. Вечером какой-нибудь праздник устроим... У кого-нибудь день рождения, а?

– Нет, – с сожалением сказал второй зам.

– У жены буровика со второй установки, – сказал первый, просматривая документы. – У Светы Джонсон.

– Отлично. Договорись с ней, Гриша... Хотя нет, ты на спецзадании. Вечером, когда привезешь инспекторшу с экскурсии, у нас будет скромный ужин, свечи, живая музыка... Хорошо бы из детской музыкальной школы кого-то привлечь. Отпразднуем день рождения

Светы Джонсон, и наши гости будут во главе стола, – губернатор потер руки. – Гриша, чего ты ждешь?

– У меня летучка в девять.

– За полчаса чтобы управился, ты меня понял? Сейчас гости позавтракают, и в десять забирай инспекторшу. Пусть веселится, развлекается, расскажи ей легенды, ты умеешь. Она должна быть веселой и счастливой, Гриша. – Губернатор вышел из-за стола, подошел к Саундеру и вдруг положил ему руку на плечо: – Выручай, брат. Сам понимаешь – ситуация сложная. Выручай. А я в долгу не останусь.

* * *

Сутки на Ириске составляли двадцать четыре часа, каждый час длился семьдесят земных минут, а каждая минута – семьдесят стандартных секунд. Трудовым распорядком предусматривались сиеста и дневной отдых, но Саундер привык дольше спать ночью и дольше бодрствовать днем.

Женщина в светлом комбинезоне и широкополой шляпе вышла на террасу главного административного корпуса. Мельком взглянула на небо, где Пес и Щенок, неразлучные, поднимались все выше. Затемнила вуаль, прикрывающую верхнюю часть лица, отчего шляпа сделалась похожей на недорисованный шлем скафандра.

– Прошу прощения, Григорий. Я немного задержалась.

– Ничего, – сказал Саундер. – Погода хорошая, прогноз отличный. Можем лететь.

Женщина кивнула, коротким скованным движением поправила шляпу и зашагала вслед за Саундером к губернаторской взлетной площадке. Для экскурсии губернатор выделил свой личный транспорт – удобный в управлении, но громоздкий аппарат, снаружи слишком большой, изнутри погрязший в комфорте.

– К вашим услугам бар, душевая, массажные панели, солярий, гипносон, стимулятор, экспресс-диагностика...

– Спасибо, – все так же скованно ответила женщина. – Можно, я сяду у окна?

Саундер пропустил ее на место рядом с пилотским креслом, помог пристегнуть ремень, еще раз мельком просмотрел метеосводку и дал команду на взлет. Ему уже случалось управлять этим флаером. Из-за губернаторской склонности к излишествам транспорт имел четыре опоры, а не три, как прочие флаеры парка, и на взлете, на смене режимов, его слегка потряхивало.

– Итак, мы отправляемся в увлекательную экскурсию по Ирису сорок три. Наша колония была основана тридцать лет назад, спустя всего два года после того, как были разведаны богатейшие местные ресурсы. Разумеется, Ирис – прежде всего добывающее производство: мы качаем из недр планеты три вида энергоносителей, причем объемы добычи...

Флаер низко прошел над жилым районом. Внизу, в административном блоке, сейчас решалась судьба трехсот квадратных метров дерна, закупленного лично Саундером и доставленного на Ириску вчера поздно вечером. Изначально предполагалось уложить дерн в городском парке, но вмешался второй губернаторский зам с завиральной идеей площадки для гольфа. Первый зам, в свою очередь, пожелал украсить террасу перед резиденцией, а особо активные общественные деятели захотели поделить дерн поровну между семьями, прожившими на Ириске не менее пяти лет. У Саундера между ушами чесалось от цифр и чисел: пятьдесят квадратов дерна он лично обещал теплоцентрали. В эту самую минуту он должен был сидеть в зале Совета и методично продавливать свой план, убеждать активных деятелей, по возможности шантажировать губернаторских замов; вместо этого приходилось болтаться в воздухе с инспекторшей. Под брюхом флаера проплывала красная крыша административного блока.

На мониторе возникла надпись: «Стоять! Проверь, отключен ли щит!» Саундер нетерпеливо стукнул по сенсору. Силовой щит над станцией поднимали только во время непогоды.

– ...Кроме того, Ирис сорок три знаменит своими загадками. Первые поселенцы испытали шок, обнаружив на совершенно необитаемой планете развалины древних храмов, а местами и сами храмы, отлично сохранившиеся. С этими постройками связано множество легенд... На самом деле это никакие не постройки и не храмы, – он откашлялся. – Это естественные образования: пещеры и скалы. Природа иногда творит чудеса, особенно если это природа Ириса.

Станция отдалялась. Издали она выглядела серой, нескладной, даже уродливой – особенно в контрасте с окружавшей ее пустыней.

– Одно время мы активно принимали паломников, падких на экзотические культы, – сказал Саундер. – Но потом паломничество решено было приостановить.

– Почему? – спросила женщина.

Это было ее первое слово, сказанное после взлета.

– Невозможно создать людям условия, – после крохотной паузы отозвался Саундер. – Здесь все-таки добывающее предприятие, режим производства, трудовая дисциплина... Ограниченные жилые площади... Туристический бизнес не вписался в наши планы, а прием паломников – в особенности.

– Но почему? Здесь пригодная для дыхания атмосфера... Почему бы не пойти людям навстречу? В конце концов, можно было выстроить палаточный лагерь!

Саундер вздохнул.

– На Ирисе, к сожалению, случаются природные явления, исключающие проживание в палатках.

– Вы говорите, как справочник, – сказал инспекторша с внезапно прорвавшейся неприязнью.

Саундер удивленно взглянул на нее. Инспекторша сидела, откинувшись в кресле, бледная от непонятной злости; на скулах у нее выступили красные пятна. Эге, подумал Саундер. Здесь драма.

Он перевел взгляд на монитор; транспорт шел теперь над пустыней, яркой, как детский мяч. Будто на стекле смешали кисточкой гуашевые краски – оранжевую, белую, немного синей, желтую, красную. Барханы казались застывшими цветными волнами.

– Обратите внимание на пейзаж внизу. Восемьдесят процентов поверхности Ириса занимает пустыня, причем свойства песка обуславливают интересный оптический эффект: его называют песчаной голограммой, или пустынной анимацией. Всмотриваясь в игру света на песке, человек с развитой фантазией может увидеть города, лица, фантастических животных...

Он замолчал. Инспекторша не смотрела вниз: ее больше интересовала черная магнитная нашлепка на дверце бара.

– Я чиновник, – сказал Саундер, помедлив. – Это моя стихия. Формулировки, инструкции, предписания: все должно быть четко. Что бы вы хотели осмотреть в первую очередь?

Она медленно повернула голову:

– Вас специально послали меня развлекать?

– Я с удовольствием покажу вам...

– А если я назову вас идиотом? Плюну в лицо – и попаду? Вы все равно будете улыбаться? Чтобы результаты инспекции устроили вашего шефа?!

Ее бледная кожа была теперь почти такой же красной, как пустыня внизу. Глаза сухо блестели. Губы тряслись.

– Вы идиот! Трусливый... прислужник! Вам ясно?!

Саундер уже очень давно не видел женской истерики. На Ириске женщины были сдержанны и неэмоциональны и повышали голос только на производственных совещаниях. Да я счастливцев был все эти годы, подумал Саундер.

Транспорт несся над пустыней. Впереди зеленоватой линией показался край моря.

– Там, в баре, – сказал Саундер после паузы, – есть вода, соки, бренди... Водка...

Инспекторша взяла себя в руки так быстро, что он на секунду зауважал ее. Краска с ее лица ушла, оставив только пятна на скулах. Здесь свежая ссора и длинный шлейф семейных скандалов, подумал Саундер; сколько же ей лет, двадцать пять, двадцать семь? Намного моложе своего инспектора. Какого лешего ей потребовалось отдохнуть на Клипсе, где нет ничего, кроме отвратительной минеральной воды?

Полчаса – тридцать пять минут – никто не говорил ни слова. Море приближалось и заняло, наконец, половину обозримого пространства.

– Это море, – сказал Саундер, – мы его так зовем, хотя фактически оно – океан. Единственный океан Ириса.

– Мы можем здесь приземлиться? – отрывисто спросила женщина.

– Да.

Он просканировал поверхность внизу, выбрал площадку и дал команду на снижение. Качнувшись, тяжелый флаер утопил свои четыре опоры в оранжевом песке.

Саундер вышел первым. Поглядел на опоры: глубоковато садится губернаторская машина. Душевая установка, массажные панели, солярий; губернатор любит пожить. Мы на Ириске, здесь энергию не экономят.

Песок сверкал под ногами, бетонно-твердый, стеклянно-застывший. Вокруг тянулись к небу островерхие барханы: некоторые просвечивали, как фруктовое желе, другие отражали солнце гладкими желтыми склонами. Это зрелище обычно сражало неподготовленного человека наповал; инспекторша долго стояла на трапе, оглядываясь, щурясь, то снимая шляпу, то снова ее надевая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.